

Топотун и терпеливая бахрома

— Я уже хочу уснуть, а сон не приходит! — сказал медвежонок Топотун и перевернулся в кровати так решительно, что подушка уехала к самому краю. На нём была голубая пижама с жёлтыми звёздами. Ночник на комодѣ светил маленьким кружком, а Топотун смотрел в этот кружок и чувствовал: внутри него всё ещё бегаѣт, прыгает и гудит.

День был набит событиями, как корзина шишками. Утром Топотун катался с горки, потом строил высокую башню из кубиков, потом хлопал в ладоши на празднике у соседей. В голове всё это не хотело стоять смирно: горка неслась вниз, кубики с грохотом падали, ладоши хлопали одна за другой. Даже хвостик Топотуна под одеялом будто собирался пуститься в пляс.

Он решил лежать неподвижно. Прижал лапы к животу, зажмурился и сосчитал до пяти, стараясь, чтобы каждая цифра звучала у него в голове тихо-тихо. Раз — он лежит. Два — одеяло не шевелится. Три — даже уши он не собирается поднимать. Но на счёте «четыре» вспомнил, как ловко поймал днём красный мяч. Лапа сама выскочила из-под одеяла и показала этот бросок: сперва потянулась вперёд, потом быстро сжалась, будто мяч и правда летел прямо к ней. На счёте «пять» Топотун сел. Одеяло сползло с его колен, а он посмотрел на непослушную лапу так, словно она всё это придумала без него. — Ну вот, опять! — сердито шепнул он.

Тогда он поправил подушку: взбил её обеими лапами, подвинул повыше, лёг на правый бок. Подушка была хорошая, знакомая, с чуть примятым уголком. Но стоило щеке коснуться уголка, как Топотун услышал в тишине стук собственного сердца. Тук-тук, тук-тук. «Оно тоже не хочет спать», — подумал он и лёг на левый бок.

Ночник отбрасывал на стену тень от спинки кровати. Тень казалась длинной лестницей. Топотун тут же представил, как взбирается по ней, перескакивает через две ступеньки и добирается до потолка. Он даже приподнял лапу, будто собирался ухватиться за первую перекладину. Потом заметил своё движение, опустил лапу и вздохнул. От вздоха стало не легче: воздух в груди словно тоже торопился.

У изножья кровати лежал старый плед. Днём он грел Топотуна после прогулки, а теперь был сложен неровным квадратом. По краю у него тянулась бахрома: толстые ниточки, одни короче, другие длиннее. Некоторые лежали ровно, а две-три переплелись между собой маленькими мягкими петельками. Топотун потянул плед к себе обеими лапами. Плед оказался тяжёленьким, поэтому медвежонок подтягивал его понемногу: ухватит край, придвинет к животу, перехватит лапы и снова придвинет. Наконец он укрыл живот и колени. Ткань тихо прощуршала о пижаму, и одна длинная бахроминка легла Топотуну прямо поперёк лапы.

И медвежонку вдруг показалось, будто плед предлагает не прогонять шумный день, а дать ему спокойно уйти. Не прыгать за мыслями, не спорить с ними, а занять лапы и дыхание чем-то медленным. Топотун нашёл пальцами одну ниточку бахромы, потом вторую. — Ладно, — сказал он пледу. — Попробуем твой способ.

Он вдохнул не спеша и провёл лапой по первой тёплой складочке. Выдохнул и потрогал вторую. Потом прислушался: где-то за дверью негромко скрипнула половица. Это был третий тихий звук. Топотун не стал гадать, почему она скрипнула. Он просто заметил её и снова вдохнул. Четвёртой оказалась мягкая бахроминка у его пальцев.

В голове тут же подпрыгнул красный мяч. «Поймал!» — хотел крикнуть Топотун. Но он выбрал другое: крепче придержал край пледа и отыскал ещё одну складочку. Вдох. Складочка. Выдох. Шорох ткани. Мяч не исчез, просто перестал скакать так высоко. Он словно лёг в дальний ящик памяти рядом с горкой и кубиками.

Топотун считал не до большого числа, а пока ему хотелось. Пять спокойных вдохов. Шесть складочек. Один тихий стук сердца, который больше не торопился. Ночник всё так же светил на стену, только лестница-тень теперь стала похожа на ровные полосы. Медвежонок перестал переворачиваться и почувствовал, какая тяжёлая и уютная стала его голова на подушке.

Он прижал к щеке уголок старого пледа и почувствовал знакомый, чуть тёплый запах ткани, которая столько раз была рядом после прогулок. В лапках у него остались добрые кусочки дня: гладкий красный мяч, высокая башня, весёлые хлопки. Они больше не гудели и не толкались. Каждый устроился на своём месте, как кубик в коробке. Мяч лежал спокойно и никуда не катился, башня стояла ровно, а хлопки сделались далёкими, будто праздник уже помахал ему лапой из-за закрытого окна. Топотун подумал, что завтра сможет снова поиграть и побегать, если захочет. А сейчас этим воспоминаниям тоже пора было отдохнуть вместе с ним.

Топотун хотел сосчитать ещё одну бахроминку, но пальцы уже перестали её искать. Они мягко лежали на краю пледа, и бахрома щекотала их совсем чуть-чуть. Его дыхание стало ровным: вдох приходил тихо, выдох уходил ещё тише. Хвостик лежал совсем спокойно, а подушка больше не казалась ни слишком высокой, ни слишком низкой. За дверью было тихо, в комнате тоже. Под мягким старым пледом медвежонок уснул — и ночник бережно светил на его голубые звёзды.

Спокойной ночи.

Создано с любовью в TuckBook

После сказки

О ЧЁМ ЭТА ИСТОРИЯ

Топотун не может заснуть после шумного дня, но старый плед помогает ему замедлиться. Тёплые складочки и бахрома возвращают медвежонку спокойствие перед сном.

ПОГОВОРИТЕ ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ

После чтения спросите ребёнка: какая часть истории была самой тёплой или смелой сегодня?

А ЗАВТРА...

Утром Топотун замечает на пледе новую ниточку бахромы и решает выяснить, откуда она взялась.

Топотун и терпеливая бахрама

Персональное издание TuckBook

tuckbook.app

Экземпляр ТВ-347-ECCFAA34CB

Топотун и терпеливая бахрама

Топотун не может заснуть после шумного дня, но старый плед помогает ему замедлиться. Тёплые складочки и бахрама возвращают медвежонку спокойствие перед сном.

7 минут чтения

TuckBook

ТВ-347-ECCFAA34CB